

Практика как тема философствования А.П. Огурцова

Петриковская Е.С.,

к. филос. наук, доцент,
старший научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0001-9790-6340

lena.pe.69@mail.ru

Аннотация: Проблема практики сопровождает философию всю историю ее существования. Результаты работы европейской философии над древнегреческим $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ («действие», «деятельность») отражены в философских словарях. Тем не менее философы вновь и вновь возвращаются к прояснению смыслового поля слова «практика», подчеркивая его неоднозначность. Вопрос практичности ставится в определенные моменты истории во главу угла как поиск условий действенности и эффекта философского мышления.

Фундаментальные характеристики, определившие эпистемологическое своеобразие практической философии, были впервые предложены в античности. Традиционно практическая философия исследует действие, поступок, различение видов деятельности. Чаще всего общее определение «практики» достигалось путем сравнения ее с «теорией». У Аристотеля сфера мысли и действия, составляющая этическую и политическую жизнь человека, соотносится с теорией и поийесисом. Трансформация аристотелевской категории «праксис» в марксизме через кантовскую и посткантовскую проблематику привела к пониманию практики как целенаправленной деятельности, рассчитанной на изменение мира. Теоретические разрывы в понимании практики стали предметом пристального внимания Александра Павловича Огурцова. За ними он обнаружил разрывы в понимании разума. В своей докторской диссертации 1967 г. он проследил путь, пройденный западной философией от понимания практики как благого поступка к тому, что философ назвал универсализацией практики, а по-другому можно назвать ее банализацией. Диссертация опубликована С.С. Неретиной в 2024 г. как мемориальная монография, приуроченная к 10-летию со дня смерти философа. Как будет показано ниже, ее содержание несколько не устарело.

Ключевые слова: праксис, бытие, «соотнесенность с человеком», деятельность, теория, чувственно-материальная практика, разум, воля, деятельностный подход, марксизм, онтология.

Для характеристики происходящих в современной мысли процессов используется выражение «практический поворот». Это предполагает, что различие между теорией и практикой в философии сегодня меняется. «В известном смысле вся философия становится практической, прикладной. Одна из несомненных тенденций ее развития в наше время состоит в том, что она на всех «этажах» прокладывает пути своего выхода в публичное пространство современного общества и интеллектуально насыщенную деятельность современного человека. Само понимание философии как формы общественного сознания наполняется новым содержанием»¹. Метафора «поворота» призвана подчеркнуть несогласие с существующими, готовыми теориями практики, даже их полное отрицание. Если до конца XIX в. в роли практической философии выступала только этика, то сегодня проблему практической философии не сводят к обоснованию отдельной философской дисциплины (или их комплекса — политическая философия, этика, философия экономики и т. п.) и определению ее места в системе философского знания. Вопрос стоит острее. Он связан с осмыслением новых, зачастую парадоксальных и противоречивых особенностей современного социального и культурного опыта, который и создает основу для современных смыслов «практики» и «практического», формирует запрос на практическое мышление.

Примером современной проблематизации слова «praxis» является «Европейский словарь философий: Лексикон непереводаемостей», составленный под руководством Барбары Кассен². В статье, непосредственно посвященной праксису, показано, что в его обсуждении участвуют различные философские позиции, подчас непримиримые. Кроме того, все эти различные смыслы практики соприкасаются в современном философском поле.

Как пишет А.П. Огурцов в своей диссертации, истолкование практического «во многом определяло структуру той или иной философской системы», ее онтологию и гносеологию³. Практический поворот в философии происходит каждый раз при смене парадигмы: от традиции к модерну, от классического модерна к неклассическому. Трансформация парадигмы приводит к возникновению новых способов философского мышления, открытию новых тем. Разные тематизации практической философии различаются тем, какое понятие выдвигается и определяется в качестве центрального в системе категорий практической философии: благо, действие, деятельность, ценность, свобода. В рамках модерна аристотелевский «естественный» индивид замещается кантианским моральным трансцендентальным субъектом. Происходящая в дальнейшем трансформация теоретических принципов философии, обозначенная как «поворот к практике», настоятельно требует от мысли контекстуализации, укоренения в структуры, связи и отношения фактического опыта, интереса к разнообразию человеческой мысли, взаимодействия с другими видами знания⁴. В центре дискуссий вокруг практики — судьба философской

¹ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 6.

² Кассен Б. (ред.) Европейский словарь философий: Лексикон непереводаемостей. Перевод с французского. Т. 1. Киев: Дух і літера, 2015. 450 с.

³ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 194.

⁴ Инишев И., Щитцова Т. (ред.). Практизация философии: современные тенденции и стратегии. Т. 2. Вильнюс: ЕГУ, 2010. С. 5–11, 51–63.

рациональности, поиск новых ее моделей, что специально подчеркивается в недавно изданной коллективной монографии Института философии РАН: «Речь идет не просто о видоизменении практики в рамках ее традиционного противостояния философской теории, а о более глубоких изменениях в структуре самой философии. Философия, начинавшая с идеала созерцания вечных сущностей, видевшая свои практические возможности в союзе с наукой, ищет сегодня возможности прямого участия в меняющемся мире, и сама становится одним из источников его изменения. Философский разум сознает себя как выражение и продолжение практикующего разума живых разумных индивидов. Тема практической и прикладной философии позволяет понять одно из основных направлений развития, можно даже сказать, текучести мышления в нашу эпоху, она обязывает саму философию осмысливать как значимый жизненный проект»⁵. Авторы данного издания по-разному оценивают т. н. «практический поворот» в философии, но констатируют, что практическая философия сегодня это не раздел общеполитической работы, а едва ли не основное изменение, происходящее на наших глазах в философии под давлением жизни, которое пока недостаточно осмыслено и слабо обосновано.

Происходящая трансформация теоретических принципов философии, обозначенная как «поворот к практике», стала предметом многолетних размышлений А.П. Огурцова. Должна ли философия ориентироваться на практику? Может ли философия не быть практической? Каким может быть практическое применение философских умозрений? Почему практическая трансформация философии — одновременно идеал и величайшее затруднение для философии? В поисках ответов на эти вопросы мы обращаемся к текстам Огурцова разных лет. Можно утверждать, что Александр Павлович специализировался на изучении вопроса соотношения теории и практики в философии: в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Отчуждение, рефлексия, практика», в 2009–2011 гг. констатирует, что она по-прежнему носит открытый характер. В статье «Практика» в «Новой философской энциклопедии» А.П. Огурцов делает пессимистичный вывод относительно универсализации практики в современном мышлении, которая привела к «инструментализму в истолковании не только искусства, но и знания, к выдвиганию на первый план конструктивистских и операционалистских критериев в оценке истинности знания, к выявлению и исследованию прагматистских контекстов и критериев эффективности познания». С его точки зрения, философские концепции практики приобрели сейчас «гораздо более прикладной и эвристический характер», а «область практики решительно сужается: если раньше она была ответственна и за творчество, и за истинное знание, и за бытие как таковое, и за новые смыслы, то к концу XX в. ее пределы четко обозначились технико-инструментальным характером, массовым репродуцированием и тиражированием созданных культурным творчеством произведений и фабрикацией массовых товаров». Наконец, тут автор заявляет о своем расхождении с марксистским подходом к практике,

⁵ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 7.

чреватых «опасностью впадения в утопизм». Вообще, «за культом практики всегда незримо присутствует соблазн технократической утопии»⁶.

Подобная критическая позиция вполне оправдана и хорошо осмыслена. Чтобы ее понять, необходимо обратиться к аргументам Огурцова, изложенным в различных текстах, прежде всего, в кандидатской диссертации «Отчуждение, рефлексия и практика», объединившей три статьи, помещенные в легендарной Философской энциклопедии, впервые изданной в СССР в 1960–1970-е гг. под редакцией акад. Ф.В. Константинова. Впоследствии А.П. Огурцов развил свой диссертационный анализ практики в статьях в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009 г.), в «Новой философской энциклопедии» (2010 г.), в монографии «Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях» (2011 г.). Обратимся к этим текстам для прояснения концептуальных оснований новой практической ориентации философии.

Проблема практики в философских работах А.П. Огурцова

Занимаясь сугубо философской рефлексией проблемы практики, А.П. Огурцов расставил акценты следующим образом:

— Наиболее значительные концепции практики принадлежат Аристотелю, Канту, Гегелю и Марксу. Большинство коннотаций, связанных со словоупотреблением *praxis*, возникает не непосредственно из греческого источника, а из немецкого, прежде всего постмарксистского. Так, практика не связывается исключительно с философским образом жизни.

— Аргументируется первичность, определяющий характер концепции человека и смысла человеческой жизни для той или иной концепции практики.

— Проблематизация понятия «практика» сводится к невозможности строгого ограничения его объема, т. к. практика включает мышление, является его разновидностью. В сфере научного творчества теория и практика образуют единство, способствующее совершенствованию обеих.

— Противопоставление теории и практики (рассудочной рефлексии — предметно-чувственной деятельности) рассмотрено как специфическая форма отчуждения в духовной деятельности.

— Использовано различие классической и современной западной философии, по-разному осмысляющих указанные философские проблемы.

Гносеологическое понимание практики не так близко Огурцову, как антропологическое. В отношении первого он делает вывод: «Проблема практики как проблема теории познания, обсуждавшаяся на протяжении многих веков в различных, по своим принципам, философских учениях, все еще не обрела достаточно корректной постановки, не говоря уже о ее приемлемом научном решении»⁷. А вот человеческое измерение практики, пожалуй, является для Александра Павловича основополагающим.

⁶ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 325.

⁷ Огурцов А.П. Практика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 731.

Поэтому он критикует те концепции, которые очищают дискурс о практике от «антропологической соотнесенности», как, например, неоплатоническую эстетически-онтологическую модель практики, где активность принадлежит Первоединному, а ум не участвует в праксисе.

В аристотелевской телеологической модели праксиса соотнесенность с человеком, сопряженность с человеческой деятельностью выражена наиболее отчетливо⁸. Практика как единство нравственных, познавательных и эстетических характеристик — прекрасно-доброе усилие воли, ума; это поступок, ориентированный на благо, включающий его в свое содержание и осмысляющий свои цели и формы осуществления. «Человеческое» измерение практики предполагает единство теоретического, этического и эстетического смысла практики, коротко — единство разума. Так трактует Огурцов разнообразие выделенных Аристотелем в «Никомаховой этике» типов отношений к миру: праксиса, пойсиса и теории (теоретическое созерцание, умозрение).

В своей диссертации А.П. Огурцов подходит к практике с марксистских позиций, но ему важно показать, что проблема практической деятельности всегда была предметом философских размышлений, и революции в понимании практического связаны не только с Марксом. Так, он отмечает новаторский подход христианства к деятельности, в том числе материально-чувственной.

Античная интуиция о многоликости и единстве разума была утрачена в новоевропейской философии начиная с XVII века. Поэтому и практика стала пониматься технико-инструментально, как основа власти и господства над природой. Начиная с этого времени и до конца XIX в. в роли практической философии выступала только этика. Это означает, что анализ деятельности человека здесь распадается на этику, гносеологию, политику и т. д., поскольку утрачена начальная точка схождения теоретического, этического и эстетического смысла практики. Разум в новоевропейской философии распался на три формы, взаимоотношения между которыми стали предметом сложнейших философских размышлений⁹.

Особого внимания заслуживает немецкий идеализм, который привел, по мнению А.П. Огурцова, к универсализации практики, ставшей из нравственно-благого поступка, определяемого категорическим императивом, универсальным способом отношения человека к миру. Последний включает в себя единство теоретических, эстетических и этических компонентов, но все же обладает специфическими формами сцепления в структуру и формами последовательности в истории¹⁰. Практика рассматривается Кантом как деятельность практического разума, средоточием которого является воля, а регулятивом — категорический императив. Подчеркивая примат практического разума над теоретическим, Кант связывал практику с деятельностью трансцендентального субъекта, обладающего единым механизмом самоидентификации — трансцендентальным единством апперцепции, подчиняющегося формальным регулятивам долга. Для Огурцова подобные новации привели

⁸ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 321.

⁹ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 197.

¹⁰ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 323.

ко все большему очищению практики от ее соотнесенности с человеком.

А вот заслуги Гегеля, сформулировавшего тезис о деятельном характере человеческого познания, о соотношении труда и практики, о деятельности как основе единства природы и человека, оцениваются А.П. Огурцовым гораздо выше. В своем обращении к практике как к одной из метаморфоз духа, как одной из его ступеней смыслополагания и осмысления абсолютным духом самого себя Гегель смог переосмыслить: 1) соотношение цели, средства и результата деятельности (гетерогенность цели, средства и результата деятельности ведет к непредвиденным последствиям, обретающим отчужденный характер и даже характер объективной необходимости), 2) соотношение причинности и телеологии (они были поняты как формы взаимодействия, присущие органическому целому), 3) взаимосвязь как истины и блага, так и теоретического и практического знания. В целом Гегель расширил трактовку практики, выведя ее за пределы этико-политической проблематики к проблемам жизни, экономики, права.

Маркс наследует «примат» практики, но совершенно по-иному понимает реализацию «прагматических» заданий. Материалистическое понимание истории предполагает отказ от рассмотрения практики как только лишь нравственной деятельности, ее отождествление с добродетелью, как это было у Аристотеля. Практика берется как «предметно-чувственная деятельность человека», уделяется внимание общественным отношениям, труду.

В целом практика определяется как форма жизнедеятельности общественно развитого человека, направленная на освоение природного или социального мира¹¹. А значит, практическая философия — это теоретическое воспроизведение человеком своего социального бытия, исследование социальной деятельности. Если в античности исследование деятельности включено в метафизику, то в современной философии оно становится прерогативой социально-антропологической философии. На наш взгляд, революция в понимании практики связана с Кантом: философ выстраивает новый концепт практического и наделяет его определяющим местом в философии. Примат практического разума связан с прагматическим заданием морализации человеческих отношений или с императивом преобразования мира. Начиная с Канта, тематика «эмансипации человечества», неотделимая от «целей практического разума», выявленных критической философией, объединяется с идеей «преобразования исторических условий» человеческого существования (охватывая как познание, так и производство или действие)¹². Авторы статьи «Праксис» французского «Европейского словаря философий» Э. Балибар, Б. Кассен, С. Ложье полагают, что благодаря философии Канта европейская философия получила новый «критико-революционный» концепт опыта. С их точки зрения, тексты Маркса (по крайней мере в период 1843–1847 гг.) можно трактовать не как «исход» (Ausgang), а как завершение движения «классической немецкой философии»¹³.

¹¹ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 195.

¹² Балибар Е., Кассен Б., Ложье С. Праксис. Пер. з фр. Репа А., за ред. Панича О., Баумейстера А. // Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Пер. з фр. Том перший. Вид. друге, виправл. К.: ДУХ І Літера, 2011. С. 502–503.

¹³ Там же. С. 503.

В своей диссертации А.П. Огурцов подверг критике концепции практики в буржуазной идеологии XX в., специфику истолкования этой проблемы в неокантианстве, феноменологии и экзистенциализме, подчеркивая ее коренную противоположность марксистскому анализу практики.

Тут имеет смысл остановиться на марксистских новациях в теории праксиса.

Критический анализ марксистской концепции практики

Философия практики Маркса, сформулированная в «Тезисах о Фейербахе»¹⁴, построена на трех концептуальных основаниях:

1) «практическая деятельность» преодолевает классические различия праксиса и пойсиса, которые позволяли автономизировать теорию. Теряет смысл приписывание роли носителей этих инстанций человеку, раз и навсегда определенным социальным классам или типам (люди действия, производители, интеллектуалы, наблюдатели);

2) во Втором тезисе сформулировано, что отныне проблематика истины переносится в «посюсторонность» (*Diesseitigkeit*) в отличие от «потусторонности»; в то, что философы называют также «мир», «опыт», «сами вещи», «труд», «повседневность»;

3) практическая деятельность является деятельностью фундаментально социальной¹⁵.

Огурцов полностью разделяет эти положения, когда пишет о том, что на практике человек должен доказать истинность, то есть действительность и могущество, посюсторонность своего мышления. В диссертации он больше внимания уделил Первому тезису — тезису о предметной направленности деятельности, поскольку в советской философии тема эта была практически не исследована. Пояснение этому мы нашли у А.А. Хамидова: «На предметную деятельность в советской философии с начала 1930-х и вплоть до конца 1950-х гг. почти не обращалось внимания. <...> В начале 1960-х гг. категорию предметной деятельности возродили и стали применять — сначала Э.В. Ильенков <...> и Г.С. Батищев <...>, а потом она стала достоянием и других философов, а также психологов, теоретиков педагогики и др.»¹⁶.

Итак, акцент делается на утверждении, что всякая деятельность человека предметна, соотносится с предметом, движется по логике предмета, выявляет его меру либо идеальным, либо чувственно-практическим способом. «Если попытаться выразить *differentia specifica* практики, то надо подчеркнуть, что практика есть чувственно-предметная форма человеческой деятельности, которая в силу разделения труда приобретает относительно самостоятельное существование. Практика — это форма взаимодействия человека как универсально-всеобщего существа с бытием — предметами природы или социальными

¹⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. С. 1–4.

¹⁵ Балибар Е., Кассен Б., Ложье С. Праксис. Пер. з фр. Репа А., за ред. Панича О., Баумейстера А. // Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Пер. з фр. Том перший. Вид. друге, виправл. К.: ДУХ І Літера, 2011. С. 505.

¹⁶ Хамидов А.А. Онтология человека: к дискуссиям в советской философии второй половины XX в. // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 385.

институтами. В деятельности человек обнаруживает самодвижение субстанции, переводит ее причинные закономерности в характеристики самой деятельности»¹⁷. Структура практики представлена в следующих моментах: 1) цель, 2) целесообразная деятельность, 3) предмет практической деятельности, 4) средства деятельности, 5) результат практической деятельности.

В текстах А.П. Огурцова, написанных в постсоветский период, марксизм подвергается критике — за размытость термина «практика» у Маркса и универсализацию практики в марксизме и неомарксизме. В этом случае данная концепция мыслится как развитие модерна, как будто в марксистской философии продолжает действовать инерция новоевропейского отношения к практике. Эта самодискуссия любопытна, поскольку приводит философа-марксиста к отказу мыслить практику и деятельность как самодостаточные явления и поиску онтологии, к которой можно было бы «привязать» деятельностьную проблематику.

О «шатком статусе» термина «праксис» у Маркса и его последователей пишут и авторы «Европейского словаря философий», объясняя это тем, что использование этого термина Марксом является одновременно и наследием, и критикой точки зрения младогегельянцев¹⁸. Огурцов критикует конъюнктурность марксистского обращения к критерию практики в гносеологии: «К. Маркс и Ф. Энгельс усматривали существо революционного переворота в философии, который они якобы осуществили, в том, что они ввели практику в теорию познания, сделав ее основанием и критерием истинного знания. Однако следует обратить внимание на крайнюю размытость понятия практики в марксизме, которая отождествляется со всемирно-исторической и преобразующей деятельностью человечества, прежде всего пролетариата, и конкретизируется лишь благодаря примерам, используемым в ходе самого доказательства. В силу своей размытости понятие практики может служить средством обоснования чего угодно, поскольку в истории человечества можно изыскать примеры совершенно противоположного характера. ... В структуру философского дискурса вторгается внедискурсивный фактор, который разрушает и сам акт доказательства. Практика, будучи внепознавательным и внедискурсивным фактором, не может служить и критерием истинности знания. Обоснование знания с помощью внепознавательных структур, в т. ч. практики, в свою очередь требует их обоснования на истинность. Тем самым процедура обоснования никогда не может быть завершена, представляя собой дурную бесконечность обоснования»¹⁹. Отсюда возникает предположение, что практика должна быть теоретически нагружена, и существуют как дискурсивные практики, так и внедискурсивные практики.

Достигающая в XX веке немыслимого размаха «универсализация практики», по Огурцову, плоха тем, что практика оказывается редуцирована к организации деятельности. На смену богатейшей философской рефлексии о практике приходит технологически-

¹⁷ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 195.

¹⁸ Балибар Е., Кассен Б., Ложье С. Праксис. Пер. з фр. Репа А., за ред. Панича О., Баумейстера А. // Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Пер. з фр. Том перший. Вид. друге, виправл. К.: ДУХ І Літера, 2011. С. 504.

¹⁹ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 324.

аналитическая ее разработка. Технично-инструментальный разум стал утверждаться, начиная с Нового времени, а в XX веке «технично-инструментальное отношение человека к природе и к миру, став универсальным и глобальным, явилось одновременно и фундаментальным принципом философии... В этой универсализации практики исток не только экологического кризиса человечества, но и многих опасностей современной цивилизации»²⁰.

В различных версиях современной практической философии ставится задача преодоления редукции практического к целерациональному действию, являющейся, как полагают их авторы, наследием модерна. Свое завершение эта редукция, по мнению украинского философа А.Н. Ермоленко, получила в марксистском принципе практики как «целенаправленного предметно-преобразовательного действия», распространенного и на социальную сферу²¹. Выход он видит в сведении практической философии к прикладной этике.

Известный современный философ Саймон Кричли предлагает возродить практическую философию, чтобы гуманизировать Новое время²². Согласно Кричли, фундаментом философствования в континентальной традиции, главным образом после Канта, является вопрос практики как следствие признания человека конечным и обусловленным существом. Кричли предлагает модель философской практики, основывающейся на трех понятиях: критика, практика и эмансипация. И ставит вопрос о возможности другой практики философствования, в рамках которой не продолжают спорить о методе работы с философскими проблемами, но применяют философский инструментарий для целей эмансипации индивида. Это альтернативная модель философии: ее объектом является существующая практика; методом — критика этой практики как несправедливой, несвободной, неаутентичной; целью — эмансипация от несправедливой практики и переход к другим видам коллективной и индивидуальной практик, основанных на другом представлении о человеческой жизни.

Огурцов подвергает критике подобные построения в том разделе своей диссертации, где он анализирует новоевропейские концепции практики, в параграфе под названием «Дух активности или активность духа?». Философия Нового времени поставила в центр мысли преобразующую мир активность человека, созидание, практическую энергию. Мир предстает здесь как предмет деятельности, как внеположенная по отношению к человеку сфера его активности. Сама эта активность, ее источники и связь ее с идеальной деятельностью будет затем трактоваться по-разному, в итоге практическая активность будет отождествляться с интеллектуальной активностью, а практика — с деятельностью самопознания. «В решении проблемы практики видно, что современная западная мысль возвращается зачастую к тем решениям философских проблем, которые были даны в домарксистской философии»²³. Огурцов считает новоевропейскую концепцию активности

²⁰ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 324.

²¹ Ермоленко А.М. Комуникативна практична філософія. Київ: Лібра, 1999. С. 128.

²² Кричлі С. Вступ до континентальної філософії / Пер. з англ. Вадима Менжуліна. Київ: ТОВ «Стилос», 2008. С. 67.

²³ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 281.

человека исторически ограниченной, поскольку ее исходные пункты не позволяют осмыслить практику во всей сложности. Все социальные и гносеологические доктрины Нового времени исходят из изолированного индивида. Причем «атомизация» человека, обособление его от социальных связей, погружение в мир корыстных интересов и рефлексии о собственном сознании не является только теоретическим построением, это часть жизненного уклада²⁴. Возникающие на этой почве теории абстрактного человека не способны понять исторический характер деятельности, общественную сущность человека и мышления. «Вся сложность взаимоотношения между практикой и теорией, между предметно-чувственной деятельностью и идеальной, духовной деятельностью в философии нового времени еще не может быть выявлена. Это связано прежде всего с неразвитостью самой социальной действительности, существованием и воспроизведением ремесленных форм труда, где разделение труда еще не разложило деятельность на рядоположенные материальный и духовный моменты, где сама предметная деятельность в значительной мере осуществляется как производственный навык»²⁵. Философия Нового времени склонна отождествлять теорию и практику, знание и действие, разум и волю, понимая деятельность как реализацию мышления, осуществления того, что существует в идее. Это объясняется тем, что практический опыт постигается в виде системы производственных навыков с акцентом на познавательную деятельность, что обеспечивает успех предметно-практического действия. Чувственно-предметная деятельность отождествляется с теоретической. Тем самым практическая деятельность сама по себе лишена и ценности, и источника активности. Вся активность человека целиком определена сферой идеального, которое оказывается не чем иным, как непосредственным созерцанием существующей вне человека необходимости.

Это рассуждение А.П. Огурцова позволяет осмыслить культурную доминанту индустриального и постиндустриального общества — прагматизм, ориентирующий человека на решение двух вопросов: «что делать?» и «что ты сейчас делаешь?». Любая деятельность в наше время начинается с ее теоретического обоснования, искусство, политика, религия не являются исключением. И любая современная теория содержит в себе призыв к действию и критику созерцания. При этом теория призывает нас совершать не любые действия, а такие, которые станут реализацией самой теории.

Как пишет Огурцов, раньше практика «была ответственна и за творчество, и за истинное знание, и за бытие как таковое, и за новые смыслы», сейчас же «ее пределы четко обозначились технико-инструментальным характером, массовым репродуцированием и тиражированием созданных культурным творчеством произведений и фабрикацией массовых товаров»²⁶. Но в то же время «за культом практики всегда незримо присутствует соблазн технократической утопии», что особенно свойственно марксизму²⁷.

²⁴ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 232.

²⁵ Там же. С. 233.

²⁶ Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 325.

²⁷ Там же.

Культ практики и соблазн технократической утопии

Остановимся на тех надеждах, которые связывают с практикой марксисты. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс утверждает: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»²⁸. Изменение мира, создание новой практики, улучшение человечества окрашено в праздничные тона. Все стабильное, конститутивное, фундаментальное вызывает критику. Предлагается переделка способа производства собственной жизни. Практика «взрывания собственных корней», которой увлеклись немецкие мыслители в XIX веке, привела к тому, что Маркс и Энгельс в фейербаховском телесном Я, в его физиологической антропологии снова увидели отвлеченные понятия и слишком мало конкретности. Стали искать способ заменить культ абстрактного человека наукой о действительных людях в их историческом развитии. Но в результате искомый конкретный человек был помещен в будущее. «Тело не первично: человеческое тело, каким мы его сейчас видим, создано не природой, а трудом и историей конкретных человеческих отношений. Тело могло и может быть другим с изменением орудий, условий труда и отношений, в которые люди вступают между собой в ходе труда (производственных отношений)»²⁹.

Марксизму присуща «радикализация» представления о деятельности. Техническое искушение в жизни человека основывается на отрицании ценности налично данного и призыве к трансцендированию за границы всего фактического путем активно-преобразующей деятельности. Вся история — это постоянное изменение человеческой природы.

Комментируя новации Маркса в философии Нового времени, А.А. Гусейнов особенное внимание обращает на сведение бытия к практике.

1. «Окружающий человека мир (бытие) нельзя рассматривать просто как объективную реальность, которая противостоит ему (субъекту) и предопределяет его жизнедеятельность. Последний сам принадлежит миру и в качестве разумного существа соразмерен ему, он деятельно меняет его, накладывает на него свою печать, в результате чего на нашей планете уже не осталось девственной природы, которая не испытала бы человеческого воздействия»³⁰. Бытие понимается как практика, деятельность человека в единстве субъекта и объекта, ценностей (целей) и знаний. «Практика представляет собой единство изменения мира и человека, которое составляет содержание общественного развития, разворачивающееся в ходе всемирной истории. Действительность, включенная в человеческую практику, преобразуется в ней вместе с действующими людьми». Такой подход является антимеханистическим, возвышает субъекта до уровня решающего фактора эволюции человека и окружающего его мира. «Именно общественная практика была

²⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. С. 4.

²⁹ Биbihин В.В. На подступах к Ницше // Ницше и современная западная мысль. Сборник статей. С.-П.: Летний сад. 2003. С. 295.

³⁰ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 19.

обозначена в качестве такого фактора. Философия практики вновь, теперь уже на другой, вполне реальной основе, насыщала бессердечный материальный мир естественной науки Нового времени одухотворяющим человеческим началом»³¹.

2. «Понятие бытия, конкретизированное как практика, приобретает такую конфигурацию, когда оно становится не только объектом рационального анализа, но также предметом сознательного воздействия, исторической критики и человеческого действия»³². «Понятие практики означает, что бытие людей выступает как их общественное бытие, которое, будучи столь же закономерным, необходимым, как и естественное (физическое) бытие, является в то же время результатом их сознательной целенаправленной деятельности. Поэтому общественному бытию соответствует общественное сознание, в котором оно находит свое выражение и продолжение (оправдание, апологию, искажение, дополнение, развитие, критику и т. д.), определяет его и в то же время испытывает обратное воздействие»³³.

3. Маркс не просто критикует старую философию за ее ограниченность, но и сам мир, его состояние. «Факторы исторического роста исчерпали себя и сама реальная практика обернулась против тех общественных сил и тенденций, которые ее порождают, когда совокупные результаты деятельности людей стали силой, отчужденной от них и враждебной им. ...По причине деградации общественной практики философское объяснение мира, оставаясь объяснением его истинного состояния, не могло не быть в то же время формой и оружием его изменения. Философия практики не была отрицанием или даже умалением философской теории (созерцания, объяснения), она в своем действительном значении может быть интерпретирована как признание ее первостепенной практической значимости»³⁴.

А.П. Огурцов находил существенное отличие марксистской концепции практики от всех предшествующих в том, что предметно-чувственная деятельность понимается как революционно-критическая деятельность по своему существу. Принципиально новое истолкование проблемы практики позволило марксизму иначе, чем вся предшествующая философия, осмыслить и сущность человека, и проблему бытия, движущие силы исторического процесса и др.³⁵. И Огурцов, и Гусейнов отмечают отрицательные последствия универсализации практики как жизненной и познавательной установки.

В советском марксизме получил развитие деятельностный подход, способствовавший инструментализму в истолковании знания. Под инструментализмом Огурцов понимает трактовку теоретического познания как форму практики, как способ или адаптации к среде, или конструирования мира, адекватного человеку. Сутью деятельностного подхода, если кратко, является выведение психических феноменов и социальных отношений, мышления из потребностей деятельности. Все служит деятельности и формируется так, чтобы обслуживать ее с оптимальной эффективностью. В подобной интерпретации деятельность

³¹ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 19.

³² Там же. С. 20.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. С. 266.

начинает терять всякую соотнесенность с человеком. Деятельностная концепция редуцирует человека к роли субъекта либо агента деятельности, из-за чего «заключаются в скобки» важнейшие черты собственно человеческого бытия, которые с данной концепцией несовместимы.

Украинский философ В.А. Малахов, в советские годы находившийся под влиянием Г.С. Батищева и его философии личности, которую он пытался извлечь из Третьего пункта «Тезисов о Фейербахе»³⁶, из упущенного в русском переводе понятия «самоизменение»³⁷, в своих работах выступает с критикой деятельностного подхода. Причем среди приверженцев деятельностной парадигмы осмысления человеческого бытия у него отнюдь не только Маркс. Онтологические истоки парадигмы деятельности, согласно В.А. Малахову, — *conatus essendi* — «стремление быть», «настаивание на бытии». Быть — значит упорствовать в бытии; а из упорства рождается деятельность. В этом едины Гоббс, Ницше, Хайдеггер. Причем все вышеперечисленное подается как «природа человека». Деятельностная самореализация субъекта предстает как сущностно принадлежащий человеку способ самораскрытия бытия. Подлинно бытийствует тот, кто утверждает свое бытие, направлен к нему. Хайдеггеровская забота — модификация *conatus essendi*. Здесь так же, как во всем модерне: «Любой субъект деятельности как таковой подлинно есть, поскольку выдвигает перед собой некую субстанциальную цель, воплощающую его собственную бытийность»³⁸. Деятельностная парадигма тяготеет к самодавлению и самоабсолютизации. Человек понимает и созидает себя как автономный субъект деятельности, но разве нет альтернативы? В качестве альтернативы предлагается такая философская позиция, в центре которой — человеческая личность как способная сдвигать экзистенциальный центр собственного бытия и, уже исходя из этого, ответственно выстраивать свой оберегаемый от «безначальной» стихийной вовлеченности образ действий, совокупность своих отношений³⁹. У Г.С. Батищева в качестве альтернативы предлагалась парадигма общения, у В.А. Малахова — парадигма любви.

Деятельностная парадигма признается ее критиками как целостный образ эпохи модерна, как эффективная объяснительная схема и одновременно как самовоспроизводящаяся методологическая ловушка, ведущая к уничтожению подлинной специфичности личностного начала в человеческой жизни. По замечанию В.А. Лекторского, в 70-е годы именно работы Г.С. Батищева играли важную роль в разработке деятельностной проблематики как философско-антропологической, а в 80-е гг. он начал писать о границах деятельностного подхода, о существовании вне-деятельностных слоев сознания (интуиция, эмпатия, бессознательное и др.), о необходимости дополнения деятельности «глубинным общением» как наиболее адекватным отношением к Универсуму⁴⁰.

³⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. С. 2.

³⁷ Хамидов А.А. Онтология человека: к дискуссиям в советской философии второй половины XX в. С. 384.

³⁸ Малахов В.А. Уязвимость любви. К.: Дух і Літера, 2005. С. 115.

³⁹ Там же. С. 116.

⁴⁰ Лекторский В.А. Деятельностные концепции в советской философии, когнитивная наука и современный конструктивизм // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 256–257.

В 2019 г. в философском журнале *Vox* была опубликована статья А.П. Огурцова «Возможна ли философия без онтологии?». Написана она была, скорее всего, в начале 1980-х гг. Здесь автор исследует методологизацию праксиса и раскрывает, какими мыслительными ходами обеспечивается торжество методологизма в философии. В основе критического рассмотрения лежит антионтологическая позиция в современной философии, «которая, осознав зыбкость, хрупкость и неустойчивость человеческого бытия, уже не может и не хочет искать устойчивые структуры ни в чем и растворяет их в спонтанных, произвольных актах сознания»⁴¹. Неприятие онтологии автор связывает с «тенденцией актуализма в современной философии», которая проявляется в игнорировании предметной направленности деятельности, «в акценте на чистом потоке активности, превращенной в спонтанный порыв, в противопоставлении творчества и объективации, в отождествлении объективации с отчуждением, в отказе от анализа деятельности, объективируемой в своих результатах, в превращении ее в незавершаемый поток духовно-душевной жизни, не отлагаемый в чем-либо ином»⁴².

К кризису онтологии, по мнению Огурцова, привели попытки определить «бытие» логически и рационально, как в философии Гегеля, построить учение о бытии, исходя из интерпретации бытия, данного в знании, из сугубо гносеологической трактовки и философии, и отношений человека к миру⁴³. Кроме того, бесперспективны, по мнению автора статьи, варианты построения онтологии, связанные с «допущением некоей абсолютной инстанции — гомогенного опыта, абсолютного субъекта, принимавшего в истории философии различные формы — трансцендентального сознания, абсолютного духа чистого Я и пр.»⁴⁴. Подобные варианты онтологии претендуют на реконструкцию системы бытия, стремятся быть мировой схематикой. Натуралистические варианты онтологии не допускают «бесструктурность» бытия.

А.П. Огурцов убежден в необходимости онтологии в философии и обосновывает ее ссылками на «онтологический импульс», изначально присущий человеку, его сознанию. Этот «онтологический импульс» находит свое выражение в вопрошании человека о смысле своего бытия, поисках постоянства, устойчивого, инвариантного, сути «подлинного» бытия. Будучи объективированным, любой акт человеческого сознания, мысли, воли, речи, эмоции обладает бытием не только для данного, но и для другого человека. Это еще одно проявление их онтологичности. «Тем самым онтология возможна как уяснение актов онтологизации, т. е. объективации сознания и субъективации объективного как непрерывный переход от одного шага к другому. Акты онтологизации — это прорыв сознания к бытию, с одной стороны, и открытие бытия для сознания — с другой. Причем важно постоянно сознавать бесконечность этого процесса, незавершенность, открытость его в каждом шаге»⁴⁵.

⁴¹ Огурцов А.П. Возможна ли философия без онтологии? // *Vox*. Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019). С. 4. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024).

⁴² Там же. С. 7.

⁴³ Там же. С. 8.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Огурцов А.П. Возможна ли философия без онтологии? // *Vox*. Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019). С. 4. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024). С. 9.

Любопытна в этом тексте работа с марксистским учением. Диалектико-материалистический принцип направленности сознания на бытие и идея целостности бытия рассматриваются как марксистские. Они ценятся за то, что благодаря им акты онтологизации принимают исторически конкретную форму, социокультурную обусловленность. Это создает принципиально другие возможности для онтологии: «Онтология из учения о бытии, которое притязает на незаинтересованное, абсолютное знание внеположного бытия как такового, превращается в осмысление жизнедеятельности человека, т. е. в способ истолкования человеком своего бытия, причем это истолкование оказывается важнейшим моментом бытия, средством сознательного регулирования и определения человеком своего бытия»⁴⁶. Эта мысль Маркса учитывает тот «онтологический импульс», который присущ познающим и самосознающим существам, на вовлеченность сознания в бытие, и подчеркивает невозможность внеситуативного, отстраненного, надысторического определения бытия.

Таким образом, как видим, Огурцов ставит в заслугу марксизму расширенную трактовку бытия, включение в него таких существенных слоев, как объективно-идеальное бытие и бытие личности⁴⁷. «Благодаря марксизму в бытии были выявлены несводимые друг к другу уровни — природная реальность, мир душевно-духовных актов, мир объективно-идеальных смыслов (идеальных объектов теории, категорий, принципов, ценностей), социокультурный мир, воплощающий в продуктах и средствах труда, в языке, в символах общезначимые смыслы, и, наконец, личность как средоточие бытия и узел, связующий воедино многослойное бытие»⁴⁸.

Поиск новых методологических подходов к решению онтологической проблемы тесно связан с проблемой праксиса. Ведь начиная с античности, праксис в философии рассматривается как осуществление полноты бытия, как деятельное осуществление жизни. Любая практическая философия включает определенные онтологические допущения, позволяющие очертить сущность и границы практического как такового, морального действия, блага, смысла человеческой жизни. В этом направлении идет А.П. Огурцов, не просто извлекая из марксистского учения современные коннотации (современники называли его версию марксизма «антропологической»), а указывая на его границы. Основная трудность в построении марксистской онтологии заключается, по его мнению, «в осознании взаимосвязей между различными уровнями бытия, в раскрытии фундаментального значения бытия личности, которая является и первоисточком самого вопроса о бытии»⁴⁹. Судя по текстам 1970-х гг., в центре его внимания находится новое понимание онтологии в западной философии, феноменологическое. Возможность связать разные уровни бытия появляется, по его мнению, в философии М. Хайдеггера, который исходит из «дореклексивного «бытия сознания», которое не тождественно ни созерцанию, ни эмоциональным переживаниям. Это

⁴⁶ Огурцов А.П. Возможна ли философия без онтологии? // Vox. Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019). С. 4. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024).

⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Огурцов А.П. Возможна ли философия без онтологии? // Vox. Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019). С. 4. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024). С. 11.

скорее эмоционально-волевая, заинтересованно-практическая экзистенция»⁵⁰. Концепция Хайдеггера представляет интерес как попытка построить учение о человеке на основе отказа от идеала абсолютной прозрачности трансцендентального субъекта для самого себя, и в обращении к тем подлинным непосредственным реалиям бытия, которые открываются человеку через способы его собственного существования. Онтология Хайдеггера не дает универсального понятия бытия, но обнаруживает основные структуры и способы вопрошания, которыми определяется человеческое переживание и понимание бытия. «Поэтому и онтология не отождествляется им ни с онтологией теоретического созерцания, ни с онтологией эмоционально-ценностного бытия. Она представляет, по его словам, герменевтическое истолкование (аналитику) «бытия сознания» во всей полноте его существования, фундамент которого Хайдеггер усматривал вначале в чувстве страха перед смертью, а позднее в естественном языке»⁵¹.

Оптимальная концепция практики

Можно заметить, что доминирование онтологических конструкций над философско-антропологическими (поскольку полагается, что человеческое бытие адекватно может быть освещено только в онтологии) приводит к тому, что утрачивает смысл деление на теоретическую и практическую философию. Теория познания и этика у Хайдеггера сводятся к онтологии. И хайдеггерианскую, и марксистскую версии онтологии зачастую обвиняют в фатализме⁵². А.А. Гусейнов убежден, что если философия в духе марксизма «исходит из понимания бытия как общественного бытия и свой предмет уточняет как общественную практику», практика заполняет всю философию, философия становится философией практики, «которая теперь уже, чтобы соответствовать новому назначению, должна раскрыть свою истинность в качестве научного знания»⁵³. Однако «в той мере, в какой философская теория становится научной, она перестает быть философской»⁵⁴, поэтому самым правильным вариантом будет вернуться к пониманию практики в традиционном, классическом смысле как нравственной философии. Иными словами, перед угрозой превращения философии в науку нам предлагается не расширять сферу практического за пределы поступка. Такого же мнения придерживается и О.П. Зубец, которая вообще оспаривает понимание практической философии как направленности философской мысли на решение практических задач: «...философское мышление есть образ жизни и способ поступания. В силу этого нет смысла вести разговор о практической философии как практически-инструментально «применимой» в иных формах человеческой практики: будучи самодостаточной, она в принципе не

⁵⁰ Огурцов А.П. Возможна ли философия без онтологии? // Вох. Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019). С. 4. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024). С. 10.

⁵¹ Там же.

⁵² Лой А.М., Баумейстер А.О., Яцук Т.І. та ін. Основи практичної філософії: підручник. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. С. 60.

⁵³ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 32.

⁵⁴ Там же. С. 31.

инструментальна»⁵⁵. А.А. Гусейнов также критикует расширение практической философии и ее переход в прикладную философию. Он оспаривает само основание, в силу которого практическая философия приближается к прикладной: «...Практика стала рассматриваться не как область свободы, которая является продолжением и выражением идеальных представлений человека, не как индивидуальная ответственная деятельность, а как многообразная предметная деятельность, которая, хотя и осуществляется сознательно действующими людьми, но тем не менее протекает по своим строгим объективным законам, опосредованным общественным сознанием... Если для практической философии принципиальное значение имело выделение человеческого мира свободы как своего собственного предмета в отличие от природного (физического, внешнего) мира необходимости, то прикладная философия перешагивает, нивелирует этот барьер»⁵⁶. В философскую практику теперь включают и области духовного производства, традиционно связанные с философией, и иные сферы современного материального производства, ставя их в зависимость от субъективных установок включенных в них людей.

А.П. Огурцов солидарен с этими философами относительно неверного смещения акцентов в вопросе о практике или деятельности. В мыслимом им идеале на смену технологическо-аналитической разработке практики, утвердившейся в XX веке и удерживающей человека в отчужденном мире, должна вернуться философская рефлексия о практике. Это гарантия того, что практичность не будет сведена к прагматизму, к исследованию человеческой деятельности и ее результатов, отбрасывающему теоретическое созерцание и художественное освоение мира.

В какой мере оправданны надежды на возвращение к традиции, к философии Аристотеля, который само мышление определил как поступок и образ жизни, а философию понимал как практическую по своей сути? Не является ли технологичность современного мировоззрения закономерным итогом развития западноевропейской философской традиции? Нам представляется, что само построение книги «Практическая и прикладная философия» позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. Относительно же ее содержания сошлемся на высказывание А.В. Рубцова, который в качестве автора описал путь осмысления практики от «породившей Модерн Античности до новейших поисков выхода из постмодернизма как высшей стадии и экстремальной формы всей постсовременной эволюции... Большой круг этой эволюции завершается в истории и в книге поисками выхода из постмодернизма как активной, творческой квинтэссенции Модерна»⁵⁷.

Соотношение наших идей и концепций с реальной человеческой практикой нуждается в серьезном обдумывании и обсуждении. Должны ли мы адресовать размышления о практике только философской аудитории? Остается ли в силе призыв Маркса к переосмыслению соотношения теории и практики в философии? А.В. Рубцов убежден, что «существенной, принципиальной трансформации подлежат самые общие, структурные представления о практической философии», в направлении «от статики разрывов к динамике

⁵⁵ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 110.

⁵⁶ Там же. С. 33.

⁵⁷ Там же. С. 102.

связей»⁵⁸. Это необходимая реакция на изменения самой реальной практики, которая включает в себе и воспроизводит другое понимание мира, человека и смысла его жизни, чем это имело место в предыдущие эпохи. Следует отказаться «от культа фиксированной дискретности как основы конструкции самого мира», «за последнее время все более явно смягчаются прямые, простые и жесткие противостояния (к которым относятся и такие оппозиции, как бинаризм «чистой», теоретической философии, с одной стороны, и практической, прикладной философии, с другой стороны)... В новых моделях позиции уступают движению. На место «или — или» приходит выбор в переходе «от и до». <...> Важно не столько, что есть, а чем все это еще только может стать»⁵⁹. Живая жизнь с ее спонтанностью противопоставляется планированию, проектированию в соответствии с высшими нормами разума и красоты, «тошнотворности совершенства»⁶⁰. Тут тоже встречаем критику технократической утопии, причем ставшей реальностью наших городов. Переживания последствий воплощения идеалов со всеми ужасами такого воплощения — «эти переживания с последующей переоценкой ценностей и составили суть обратной революции постмодерна» — «постсовременной контрреволюции по отношению к революционным преобразованиям Современности»⁶¹.

В одной из своих последних больших работ «Философия науки. XX в. Концепции и проблемы», изданной в 2011 г., в третьей ее части «Философия науки и историография» А.П. Огурцов вернулся к обсуждению принципа деятельности как фундаментального принципа практической философии. Важным поводом к этому стали призывы к реабилитации практической философии в немецкой философии. По мнению Огурцова, ни сама практическая философия как философская дисциплина, ни ее исторические варианты, ни принцип деятельности и проблематика видов человеческой деятельности не являются для философии XX в. чем-то новым и непознанным, наоборот, эта проблематика широко обсуждалась разными течениями в западной философии и социальных науках. Так что, собственно, вопрос надо ставить не о реабилитации, а «об изменении содержания этого принципа, об уяснении его границ и возможностей построения некоей метафизики деятельности, о превращении деятельности в образец или парадигму духовной жизни и об исчерпании возможностей этой парадигмы»⁶². Александр Павлович признает важность дальнейшей работы с понятием «практика», ценит усилия Хайдеггера и Фуко, которые обратили внимание на недискурсивные практики, на существование внерациональных и внеаприорных структур, обеспечивающих изначально присущую человеку заботу и бытие человека-в-мире. Практико-философский дискурс получит новый импульс для своего развития, когда философия сможет освободиться от тотального засилья принципа деятельности, научившись корректно его использовать.

⁵⁸ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 82.

⁵⁹ Там же. С. 84.

⁶⁰ Там же. С. 103.

⁶¹ Там же.

⁶² Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Изд. дом «Мир-ъ», 2011. С. 71.

* * *

Анализ судеб и путей философии практики продолжается. Важный импульс, который мы получаем от работ А.П. Огурцова, связанных с этой темой, касается фундаментальности самой темы. Вопрос практической философии не может обойти ни один участник философского дискурса. Это вопрос того смыслового горизонта, в котором каждый осуществляет свою интеллектуальную работу. Разговор о практической философии невозможно вести абстрактно, в сугубо академическом плане, обходя вопросы собственного философского самоопределения и его оснований. И в то же время практическая философия не может быть аматорским занятием, а должна концептуально оформлять свой интерес к материалу, который как будто бы сам идет в руки.

Литература

1. *Балибар Е., Кассен Б., Ложье С.* Праксис. Пер. з фр. Репа А., за ред. Панича О., Баумейстера А. // *Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей.* Пер. з фр. Том перший. Вид. друге, виправл. К.: ДУХ І Літера, 2011. С. 498–513.
2. *Бибихин В.В.* На подступах к Ницше // *Ницше и современная западная мысль.* Сборник статей. С.-П.: Летний сад, 2003. С. 290–330.
3. *Єрмоленко А.М.* Комуникативна практична філософія. Київ: Лібра, 1999. 488 с.
4. *Инишев И., Щитцова Т.* (ред.). *Практизация философии: современные тенденции и стратегии.* Т. 2. Вильнюс: ЕГУ, 2010.
5. *Кассен Б.* (ред.) *Європейський словарь філософій: Лексикон непереводимостей.* Перевод с французского. Т. 1. Киев: Дух і літера, 2015. 450 с.
6. *Крічлі С.* Вступ до континентальної філософії / Пер. з англ. Вадима Менжуліна. Київ: ТОВ «Стилос», 2008. 152 с.
7. *Лекторский В.А.* Деятельностные концепции в советской философии, когнитивная наука и современный конструктивизм // *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В. А. Лекторского.* М. Политическая энциклопедия, 2014. С. 247–265.
8. *Лой А.М., Баумейстер А.О., Яцук Т.І.* та ін. *Основи практичної філософії: підручник.* К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. 531 с.
9. *Малахов В.А.* Уязвимость любви. К.: Дух і Літера, 2005. 560 с.
10. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. 630 с. С. 1–4.
11. *Огурцов А.П.* Возможна ли философия без онтологии? *Vox.* Философский журнал. Выпуск 26 (июнь 2019) URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (дата обращения: 5.09.2024).
12. *Огурцов А.П.* Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024. 426 с.

13. Огурцов А.П. Практика // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 321–325.
14. Огурцов А.П. Практика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 730–731.
15. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Изд. дом «Мир-ъ», 2011. 336 с.
16. Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. 326 с.
17. Хамидов А.А. Онтология человека: к дискуссиям в советской философии второй половины XX в. // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 381–413.

References

1. Balibar E., Kassen B., Lozh'e S. Praksis. Per. z fr. Repa A., pod red. Panicha O., Baumejstera A. // *Evropejskij slovník filosofij: Leksikon neperekladnostej. Per. z fr. Tom pershij. Vid. druge, vipravl* [Balibar E., Cassen B., Logier S. Praxis. Trans. from French Repa A., under the ed. Panych O., Baumeister A. // European dictionary of Philosophies: Lexicon of untranslatables. Trans. from Fr.]. Vol. 1. Kyiv: Duh i Litera Publ., 2011. P. 498-513. (In Ukrainian.)
2. Bibihin V.V. *Na podstupah k Nicshe // Nicshe i sovremenna zapadnaya mysl'. Sbornik statej*. [Approaches to Nietzsche // Nietzsche and Modern Western Thought. Collection of articles]. St.Petersburg: Letnij sad Publ. 2003. P. 290-330. (In Russian.)
3. Ermolenko A.M. *Kommunikativnaya prakticheskaya filosofiya* [Yermolenko A.M. Communicative Practical Philosophy]. Kyiv: Libra Publ., 1999. (In Ukrainian.)
4. *Evropejskij slovar' filosofij: Leksikon neperevodimostej / Pod red. Barbary Kassen. Perevod s francuzskogo*. [European dictionary of Philosophies: Lexicon of untranslatables] Ed. Barbara Cassen. Trans. from French. Vol. 1. Kyiv: Duh i Litera Publ., 2015. (In Russian.)
5. Hamidov A.A. *Ontologiya cheloveka: k diskussiyam v sovetskoj filosofii vtoroj poloviny XX v.* [Ontology of man: towards discussions in Soviet philosophy of the second half of the 20th century] // *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroj poloviny XX v.: sovremennyj vzglyad* [Problems and discussions in Russian philosophy in the second half of the 20th century: a modern view] / Ed. V.A. Lektorsky. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2014. P. 381-413. (In Russian.)
6. Inishev I., Shchitcova T. (ed.) *Praktizaciya filosofii: sovremennye tendencii i strategii* [Practicalization of Philosophy: Modern Trends and Strategies]. Vol. 2. Vilnius: EGU Publ., 2010. (In Russian)

7. Krichli S. *Vvedenie v kontinental'nyuyu filosofiyu* [Critchley S. Introduction to Continental Philosophy] / Trans. Vadim Menzhulin. Kyiv: TOV «Stilos» Publ., 2008. (In Ukrainian.)
8. Lektorskiy V.A. *Deyatel'nostnye koncepcii v sovetskoj filosofii, kognitivnaya nauka i sovremennyy konstruktivizm* [Lektorsky V.A. Activity concepts in Soviet philosophy, cognitive science and modern constructivism] // *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroj poloviny XX v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and discussions in Russian philosophy in the second half of the 20th century: a modern view] / Ed. V. A. Lektorsky. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2014. P. 247-265. (In Russian)
9. Loy, A.M., Baumeister, A.O., Yashchuk, T.I. (eds.) *Osnovi praktichnoï filosofii: pidruchnik* [Fundamentals of Practical Philosophy: textbook]. Kyiv: Kievskii universitet Publ., 2011. (In Ukrainian.)
10. Malahov V.A. *Uyazvимость lyubvi* [The vulnerability of love]. Kyiv: Duh i Litera Publ., 2005. (In Russian/)
11. Marks K. *Tezisy o Fejebahе* [Marx K. Theses on Feuerbach] // Marks K., Engel's F. *Sochineniya. 2-e izd.* [Marx K., Engels F. Works. 2nd ed.]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo polit. Literaturny Publ., 1955. P. 1-4. (In Russian.)
12. Ogurcov A.P. *Filosofiya nauki: dvadcatyj vek: Koncepcii i problemy: V 3 chastyah. Chast' tret'ya: Filosofiya nauki i istoriografiya.* [Philosophy of Science: Twentieth Century: Concepts and Problems: In 3 Parts. Part Three: Philosophy of Science and Historiography]. St.Petersburg: «Мир-Ъ» Publ, 2011. (In Russian.)
13. Ogurcov A.P. *Otchuzhdenie, refleksiya, praktika* [Alienation, reflection, practice] / Otv. red., vstup. stat'ya, prim., imennoj uk. [Ed.] S.S. Neretina. Moscow: Golos Publ., 2024. (In Russian.)
14. Ogurcov A.P. *Praktika* [Practice], *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: «Kanon +» ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2009. P. 730-731. (In Russian.)
15. Ogurcov A.P. *Vozmozhna li filosofiya bez ontologii?* [Is philosophy possible without ontology?] *Vox. Filosofskij zhurnal.* [Philosophical journal]. Vol. 26 (June 2019) URL: <https://vox-journal.org/html/issues/480/494.html> (accessed on: 5.09.2024) (In Russian.)
16. Ogurcov A.P. *Praktika* [Practice], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 2010, pp. 321-325. (In Russian.)
17. *Prakticheskaya i prikladnaya filosofiya* [Practical and Applied Philosophy]. Ed. Huseynov A.A. Moscow ; St.Petersburg : Tsentр gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024. (In Russian.)

Practice as a Theme of Philosophizing by A.P. Ogurcov

Petrikovskaya E.S.

Senior Research Fellow, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID: 0000-0001-9790-6340
lenape.69@mail.ru

Abstract: The problem of practice has accompanied philosophy throughout its history. The results of the work of European philosophy on the ancient Greek *πρᾶξις* ("action", "activity") are reflected in philosophical dictionaries. Nevertheless, philosophers again and again return to clarifying the semantic field of the word "practice", emphasizing its ambiguity. The question of practicality is put at the forefront at certain moments in history as a search for the conditions of effectiveness and effect of philosophical thinking. The fundamental characteristics that determined the epistemological uniqueness of practical philosophy were first proposed in antiquity. Traditionally, practical philosophy examines action, deed, and the distinction between types of activity. Most often, a general definition of "practice" was achieved by comparing it with "theory". In Aristotle, the sphere of thought and action, which constitutes the ethical and political life of man, is related to theory and *poiesis*. The transformation of the Aristotelian category of "praxis" in Marxism through Kantian and post-Kantian problems led to the understanding of practice as a purposeful activity designed to change the world. Theoretical gaps in the understanding of practice became the subject of close attention of Alexander Pavlovich Ogurcov. Behind them, he discovered gaps in the understanding of reason. In his doctoral dissertation of 1967, he traced the path taken by Western philosophy from the understanding of practice as a good deed to what the philosopher called the universalization of practice, or, in other words, its banalization. The dissertation was published by S.S. Neretina in 2024 as a memorial monograph dedicated to the 10th anniversary of the philosopher's death. As will be shown below, its content is not at all outdated.

Keywords: praxis, ontology, being, "relationship with man", activity, theory, sensory-material practice, reason, will, activity approach, marxism.